

НАЦИОНАЛЬНО ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА "УКРАИНСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ" Н. ГОГОЛЯ В ЧЕШСКИХ ПЕРЕВОДАХ

О. Л. Паламарчук (Киев)

Художественное произведение всесторонне воспринимается читателем и в полной мере воздействует на его чувства только в той языковой среде, в которой оно возникло и всегда ограничивается кругом читателей, в совершенстве владеющих языком, на котором создан оригинал данного произведения. Только мастерски выполненный перевод дает возможность полноценного знакомства с "чужим" произведением, с культурой, обычаями "чужого" народа. Именно поэтому одной из самых важных и сложных проблем практики перевода является воспроизведение национально-культурной специфики оригинала, так как в ней наиболее ярко проявляется один из "парадоксов перевода": он должен читаться так же, как оригинал, но при этом сохранять национальный дух, народную специфику первоисточника. Близкое родство языков оригинала и перевода во многих случаях, как можно было бы предположить, не облегчают труд переводчика, а наоборот, порождают почти всегда массу трудностей, намного больше, чем при переводе произведения на неродственные языки.

Неудивительно поэтому, что вопросы воссоздания в переводном художественном произведении национального колорита, национально-го духа, свойственного оригиналу, давно находятся в центре внимания теоретиков и практиков перевода (А. В. Федоров, Л. С. Бархударов, И. Кашкин, В. С. Виноградов, А. Кундзич, В. В. Коптилов, Р. П. Зоривчак, С. Влахов, С. Флорин, И. Левый, Б. Илек, М. Грдличка, М. Грала, А. Попович и др.). Особенно выразительно встает эта проблема тогда, когда речь идет о передаче так наз. внешних, заимствованных реалий, то есть о двойном воспроизведении: имеем в виду те случаи и факты перевода, когда в оригинале изображена действительность, "чужая" для читателя - носителя того языка, на котором написано произведение. Очень интересный материал для такого анализа и исследования дают "Вечера на хуторе близ Диканьки" Н. Гоголя.

Насыщая свои произведения иноязычными для русского читателя украинскими элементами, писатель, бесспорно, не сомневался, что они будут понятны читателю не только благодаря близкому родству двух славянских языков, но и с учетом контекстуального окружения слов, пояснения их в тексте и в специальных словариках, содержащихся в педисловии к каждой части произведения.

Следует отметить, что "украинской теме" уже с конца XVIII в. отводилось значительное место в русской литературе. Предшественники Н. В. Гоголя - В. Т. Нарезный, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, В. И. Даль, Е. П. Гребинка и др. - сделали эту тему модной в русской столице еще до приезда Н. Гоголя в Петербург (вспомним хотя бы "Думы" К. Ф. Рылеева, "Малороссийскую мелодию" А. А. Дельвига, повесть "Богдан Зиновий Хмельницкий" Ф. Н. Глинки и др.). Вторжение украинской стихии в русскую культуру просто не могло не повлиять и на молодого Н. Гоголя, выраставшего и воспитывавшегося на украинских песнях, очарованного музыкой украинской речи и рассказами об истории Украины и ее народа. По свидетельству М. Максимовича, Н. Гоголь в совершенстве владел украинским языком и еще в Нежинской гимназии завел себе "Книгу всякой всячины", где был и малороссийский лексикон, и описания народных гуляний, игр, старинной одежды, обрядов и обычаев, кушаний, список народных собственных имен, украинских загадок и пр. Сознательно используя национально специфическую лексику в "Вечерах на хуторе...", Н. Гоголь мастерски вводит "чужие" элементы в русский текст, органично сочетая своеобразие украинского фольклора, разговорной речи с тканью русской речи, придавая ей особый, неповторимый колорит.

Украинские лексические единицы, передающие национальный колорит, национальный менталитет, представляют довольно большой и неоднородный слой: они обозначают все то, что является характерным для быта, традиций и культуры украинского народа на протяжении различных исторических эпох. Сюда, как правило, входят словесные средства для выражения реалий, ономастическая и частично диалектная лексика, лексические единицы, необходимые для передачи обращений, символов, цвета и т. п. Проблема воспроизведения национально-характеристической лексики средствами другого языка усложняется обычно тем, что в переводе необходимо передать не только особенности определенных бытовых или исторических реалий оригинала, но и донести до читателя правильное понимание и восприятие образов, формирующихся у каждого народа в течение веков, найти

в языке перевода такие средства, которые бы достоверно отображали черты национальной психики народа-носителя языка оригинала.

Как показывает анализ фактического материала, для введения в текст оригинала единиц, обозначающих украинские реалии, Н. Гоголь использует самые разнообразные способы и приемы. Следует особо отметить тот факт, что все украинские лексические единицы этого типа, эксцерпированные из "Вечеров на хуторе...", передаются по-русски в протранскрибированной форме: *дидько, очипок, кухоль, соняшниця, кобза, рушник, Грицько, Петрусь, Тымши, Хивря, Левко, Хаеська* и т. п. Органично вписываясь в повествование Рудого Панька, эти "чужие" элементы воспринимаются русскоязычным читателем без особых затруднений, хотя и с ощущением специфического "аромата чужого".⁴⁰

Привлекая украинские слова, выражения, обороты, в "Вечерах на хуторе..." Н. Гоголь использует следующие приемы введения их в текст повествования:

1) постраничные выноски-пояснения: *выливать переполох - выливают переполох в случае испуга, когда хотят узнать, отчего он приключился (бросают расплавленное олово или воск в воду, чье подобие примет - то перепугало)*⁴¹ (НГ, 50); *соняшницю заговаривали - от дурноты и боли в животе ... больному дают выпить ложку специально приготовленной воды* (НГ, 49);

2) шрифтовое выделение слова - курсив: *лысьй дидько* (НГ, 61); *кусок красной свитки* (НГ, 17); *Красный рукав свитки, привязанный к узде... сатанинская одежда* (НГ, 32); *играл в тесной бабы* (НГ, 101); *вечерниці* (НГ, 4);

3) объяснение протранскрибированного слова непосредственно в тексте: *там будет варенуха - водка с изюмом и сливами* (НГ, 103); *макогон, которым обыкновенно прогоняют кутью* (НГ, 43); *Ярко расписанная миска - макитра* (НГ, 11); *это у нас вечерниці! они ... похожи на ваши балы* (НГ, 4);

4) пояснения в авторских словариках в предисловии: *очипок - род чепа* (НГ, 8); *макитра - горшок, в котором трут мак* (НГ, 8); *рушник - утиральник* (НГ, 9); *чумаки - обозники, едущие в Крым за солью и рыбою*

⁴⁰ Влахов, С., Флорин, С.: Непереводимое в переводе. Москва 1986, с. 81-82.

⁴¹ Фактический материал эксцерпирован из издания: Гоголь, Н. В., Собрание сочинений в шести томах. Т. 1., Москва 1952 (далее НГ). Арабской цифрой обозначены страницы.

(НГ, 9); бандура - инструмент, род гитары (НГ, 7); горлиця - танец (НГ, 98); каганец - светильня, состоящая из разбитого черепка, наполненного салом (НГ, 99).

Следует отметить, что в двух словариках автора собрано 123 слова, которые, по его же свидетельству, не каждому будут понятны и привлекут к себе внимание читателя своей незнакомостью. Не все лексические единицы, внесенные в словарики, являются реалиями, обозначающими специфические референты; некоторые из них имеют эквиваленты в языке оригинала. Значительная часть их использована Н. Гоголем скорее для стилизации, поскольку они придают произведению особенный локальный колорит.

Необходимо подчеркнуть, что яркую национальную окрашенность "Вечерам на хуторе..." придают не только украинские характеристические лексические единицы, введение в текст произведения украинских реалий, символов, собственных имен, но и мастерское использование морфологических и синтаксических украинизмов: *не бойся, серденько, не бойся* (НГ, 15); *Парасю, голубко!* (НГ, 35); *скажи, будь ласков, кум* (НГ, 78); *хата хромого Левченка* (НГ, 148), а также иноязычных вкраплений (*дидько б утыся его батькови!* (НГ, 61); *воно ще молода дьитьна* (НГ, 198); *та се ж паньм наш!* (НГ, 197).

Рассмотрев способы и приемы введения украинских элементов в русский текст оригинала Н. Гоголя, обратимся к переводам "Вечеров на хуторе..." на инославянские языки, так как в этом случае речь пойдет о двойном их воспроизведении.

Анализ фактического материала показал, что при переводе украинской национально-характеристической лексики, использованной в русском оригинале, на другие славянские языки - в частности на чешский, используются в основном четыре способа: 1) транскрибирование; 2) приблизительный перевод, который включает: а) принцип родо-видового соответствия (т. е. замена переводимого слова лексической единицей с более широким или узким значением); б) использование вместо адекватного соответствия функционального аналога; в) описательное объяснение переводимого слова; 3) контекстуальный перевод лексической единицы; 4) замена в переводе "чужой" реалии своей.⁴²

⁴² Как известно, теоретики перевода Р. П. Зоривчак, А. В. Федоров, С. Влахов и С. Флорин в предложенных классификациях выделяют от четырех до девяти возможных способов воспроизведения реалий при переводе (см. *Зоривчак, Р. Н.: Реалія і переклад. Львів 1989, с. 150; Федоров, А. В.: Основы общей теории перевода. Москва 1983, с. 262;*

Использование транскрипционной передачи для воспроизведения украинских лексических единиц позволяет сохранить их звучание в инославянском переводе, являясь, таким образом, самым лаконичным способом передачи, при которой специфичность, значимость чужого слова для читателя перевода становится совершенно очевидной, напр.: *oseledec, kobza, hopak, hetman, esaul, šaravary, uniat*.⁴³ Следует подчеркнуть, что протранскрибированные реалии в тексте перевода способствуют введению читателя в атмосферу чужого языка и сохранению национального колорита оригинала. Однако, как правило, только незначительная часть лексических единиц данного плана воспринимается читателем перевода без пояснения или толкования (правильному восприятию, бесспорно, содействует и смысловая нагрузка всего предложения или более широкий контекст). И все же для правильного понимания подавляющего большинства протранскрибированных реалий необходимо вводить в текст вспомогательные слова или пояснения, ср.: *каганец, дрожка и вспыхивая, светил нам в хате* (НГ, 39) - *kahanec, obvyklá maloruská svítilna, skládající se z rozbitého střípku s beraním tukem* (NG, 42). Таким образом, для "каганца", который в словарики автора объясняется как "род светильни" (НГ, 8) и "светильня, состоящая из разбитого черепка, наполненного салом" (НГ, 99), в чешском переводе оказалось необходимым развернутое пояснение в тексте (как и в примечаниях к переводу). В связи с этим следует подчеркнуть, что примечания к чешским переводам более подробны по сравнению с оригиналом, дополнены пояснениями к собственным именам (Канев, Запорожье, Сагайдачный) и региональным реалиям (гетьман, есаул), которые русскому читателю понятны без какого-либо толкования. Если же сравнить словарики Н. Гоголя с примечаниями к чешскому изданию его повести, то обнаружим, что они далеко не полностью совпадают как в количественном, так и в содержательном планах. Так, если у Н. Гоголя в оригинале довольно широко используется транскрибирование подобных лексических единиц и введение их в текст чаще всего без пояснений (ибо толкование дается в словариках), то в чешских переводах протранскрибированных единиц значительно меньше, потому что изыскиваются другие способы их воспроизведения.

Вторым, самым распространенным способом передачи национально-характеристических единиц по-чешски является так называемый

Влахов, С., Флорин, С.: Цит. работа, с. 104-105).

⁴³ Чешский материал эксцерпирован из *Gogol, N., Vybrané spisy*. Praha 1952 (далее NG).

приблизительный перевод, включающий выбор родо-видового соответствия, нахождение функционального аналога, привлечение описательного перевода с пояснением. Недостатком этого способа является, несомненно, то, что воспроизводится только предметная сущность реалии, а национальный колорит ее, как правило, нивелируется.

Родо-видовая подмена переводимой реалии дает возможность переводчику передать ее содержание "своей" лексической единицей с более широким или более узким значением, т. е. видовое понятие подменяется родовым и наоборот. Так, слово *плахта* (НГ, 111) в чешском переводе заменено на *sukně* (NG, 98), т. е. "юбка", или же передается словом с еще более обобщенным значением - *šátky* (NG, 82), что обозначает "любая женская одежда". Для иллюстрации приведем еще примеры: *кнѣш с маслом* (НГ, 6) - *pečený chleba* (NG, 21), т. е. "род печеного хлеба"; *путья с молоком* (НГ, 7) - *krupice* (NG, 21), т. е. "каша вообще". Сравнительное толкование значений украинских слов Н. Гоголем в его словариках и чешские соответствия в переводе "Вечеров на хуторе...", убеждаемся, что авторские пояснения украинизмов и родо-видовые замены их в переводе очень близки семантически, поскольку они лаконичны, но дают лишь общее представление и общую информацию о референте реалии (ср. бандура - инструмент, род гитары (НГ, 7); горлица и гопак - малороссийские танцы (НГ, 8). Представляется, однако, что разница в восприятии читателя оригинала и перевода довольно велика, так как чужая реалия даже без детальных пояснений несет определенную эмоциональную и смысловую нагрузку, выделяется своей необычностью; с ее утратой, несомненно, исчезает или по крайней мере снижается национальная окрашенность произведения, его колорит. Понятно, что транскрибирование далеко не всегда является лучшим способом передачи стержневых и рядовых реалий оригинала, а в некоторых случаях, как напр., при наличии межъязыковых омонимов (укр. *плахта* и чеш. *plachta* ("парус"), укр. *чумак* и чеш. *čumák* ("нос животного")) вообще исключается.

Использование функциональных аналогов (метода уподобления - по Р. П. Зоривчак,⁴⁴ субституции, подстановки - по И. Левому⁴⁵) позволяет воспроизвести семантико-стилистические функции украинской реалии благодаря использованию в языке перевода близкой по значению единицы, способной вызывать похожую реакцию читателя ино-

⁴⁴ Зоривчак, Р. П.: Цит. работа, с. 93.

⁴⁵ Левый, И.: Искусство перевода. Москва 1975, с. 123.

славянского перевода. Так, например, *вечерницы* (НГ, 4) передаются в чешском тексте как *přástky* (NG, 37) - *schůzky vesnických dívek a žen k společnému předání lnu a zábavě*. Эти единицы несут очень похожую предметную информацию в обоих языках и по своему наполнению являются почти полными соответствиями, поэтому можно утверждать, что в данном случае чешский эквивалент найден удачно.

Описание, толкование, пояснение реалий тоже можно считать приблизительным переводом, поскольку понятие, которое не имеет функционального аналога в языке перевода и которое нельзя передать при помощи транскрипции (так как оно для читателя перевода будет совсем лишено смысла), все же воспроизводится в тексте благодаря развернутому пояснению. Например, *макогон* (НГ, 39) - *tlouk na mák* (NG, 29); *сидечки* (НГ, 38) - *úzké stuhy* (NG, 28). В некоторых случаях такие пояснения, включенные непосредственно в текст перевода, напоминают или даже совпадают с толкованием протранскрибированных украинских реалий, собранных в словариках Н. Гоголя.

Для воспроизведения национально-характеристических единиц, как отмечалось, используется также контекстуальный перевод, когда сущность реалии проясняется в ближайшем контексте. Так, например, отсутствие в чешском языке эквивалента для слова "баштан" (*засеял баштан на самой дороге* (НГ, 194) побудило переводчика трансформировать текст, отказавшись от перевода данной единицы: *zasil při cestě melouny, okurky a dýně a jinou zeleninu* (NG, 173), т. е. "засеял у дороги арбузы, огурцы, дыни и другие овощи". Этот так наз. нулевой перевод привел к потере реалии как таковой, хотя в общем смысл предложения соответствует оригиналу.

Рассматривая последний из определенных путем анализа способов передачи реалий при переводе - замену "чужой" реалии своей, следует отметить, что такой прием в переводоведении считается наиболее нежелательным и даже порочным,⁴⁶ поскольку ведет к смешению различных по национальной принадлежности реалий. Однако переводческая практика дает примеры отступления от этого требования. Так, например, *вареники* в чешском переводе последовательно передаются как "knedlíky" с различными определениями: *nadřvané knedlíky* (NG, 38), *vařené knedlíky* (NG, 108), *jahodové knedlíky* (NG, 108). Однако, по нашему мнению, кнедлики являются настолько яркой чешской реалией и настолько прочно ассоциируются с чешской национальной кухней,

⁴⁶ Влахов, С., Флорин, С.: Цит. работа, с. 127.

что в данном случае предпочтение следует отдавать "nadívaným taštičkám" (NG, 102). Здесь хотя и привлекается нейтральная единица (а значит, утрачивается национальный колорит украинской реалии), все же она не вызывает у читателя перевода ложных ассоциаций.

Весьма интересный материал для исследования дает анализ ономастической лексики "Вечеров на хуторе...", воспроизведенной по-чешски, поскольку в переводе украинские собственные имена и названия используются для усиления ощущения чужезычной среды и отображения ее национального колорита. При передаче онимов чаще всего используется транскрипция, значительно реже - ономастическое калькирование, замена соответствием, перевод.

Подавляющее большинство собственных имен в переводах представлено в протранскрибированной форме: *Охрим* (НГ, 102) - *Ochrim* (NG, 97), *Метелица* (НГ, 176) - *Metelyca* (NG, 149), *Хлоста* (НГ, 141) - *Chlosta* (NG, 124), *Мукута* (НГ, 117) - *Mykuta* (NG, 106), *Оксана* (НГ, 118, 133) - *Oxana* и *Oksana* (NG, 101, 118), *Вовтузенко* (НГ, 176) - *Vovtuzenko* (NG, 149), *Пацюк* (НГ, 114) - *Pacjuk* (NG, 104). Воспроизведение украинских имен проводится с русского оригинала, поэтому в чешских переводах зафиксированы формы *Kondrat* (NG, 78), *Foma* (NG, 38), *Podkova* (NG, 61), а не *Kindrat*, *Choma*, *Pidkova*.

Способ воспроизведения онимов при помощи калькирования представлен среди топонимов, как правило, шире, чем среди антропонимов, хотя и здесь встречается определенная разновариантность: *Афанасий Иванович Товстогоуб и жена его Пульхерия Ивановна Товстогоубиха* (НГ, 203) - *Afanasij Ivanovič Tovstohub a jeho žena Pulcherije Ivanovna Tovstohubka* (NG, 182), аналогично *Шенчиха* (НГ, 202) - *Šeptunka* (NG, 183), *Пеперчиха* (НГ, 126) - *Pereperčilka* (NG, 119), *Сагайдачний* (НГ, 39) - *Sagajdačnyj* (NG, 31) и *Sahajdačnyj* (NG, 38).

Для воспроизведения в переводе "говорящих", значимых имен ни транскрипция, ни ономастическое калькирование неприемлемы, поскольку такие имена, в сущности, являются своеобразным тропом, используемым для характеристики героев, среды, места действия и т. п. В художественном произведении (а значит, и в переводе) такие имена выполняют функцию не только номинативной, но и характеристической единицы, равнозначной метафоре или сравнению. Именно поэтому в переводе необходимо "проявить" заключенную в них смысловую и экспрессивную информацию, иначе потери неминуемы. Так, напр., протранскрибированные антропонимы *Смачнейкы* (*Смачненький* [НГ, 97]), *Ледачі*, *Ледаче́го* (*Ледачий* [НГ, 73]) для читателей перевода лишены смысла, их внутренняя форма затемнена, утрачена образность

имени. Более удачной представляется передача онима *Лузатый Пацюк* (НГ, 122) чешским *Panděratý Pacjuk* (NG, 119), характеризующим героя, так как основным требованием к адекватному воспроизведению таких "говорящих" имен является передача их смыслового соответствия с учетом стилистической и художественной функции.

Таким образом, проанализировав практику перевода национально-характеристических единиц, эксцерпированных из "украинских произведений" Н. Гоголя средствами чешского языка, можно констатировать, что их воспроизведение является сложной задачей, поскольку национальная специфика произведения, глубоко укоренившегося в фольклоре, связана в сознании народа со многими понятиями, опирается на его историческую память, а все это требует постоянного глубокого внимания переводчика и взвешенного подхода в каждом конкретном случае.